

К. А. Воскресенский

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМЫ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ

*Работа представлена кафедрой уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России.*

Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор С. А. Денисов

В статье автор раскрывает некоторые технико-юридические недостатки, допущенные законодателем при конструировании нормы об ответственности за террористический акт (ст. 205 УК РФ), и вносит ряд обоснованных предложений и рекомендаций по совершенствованию нормативного материала.

The author of the article reveals some technical legal disadvantages in constructing the norm of amenability for a terrorist act (clause 205 in the Criminal Code of the Russian Federation) and makes a number of reasoned suggestions and recommendations for the normative material improvement.

Анализ статьи 205 УК РФ, предусматривающей ответственность за террористический акт, позволяет выявить ряд допущенных законодателем при ее конструировании технико-юридических недостатков, создающих трудности при ее толковании и применении.

Так, необходимым элементом объективной стороны преступления выступает угроза совершения террористического акта, что по сравнению с УК РСФСР 1960 г. является новеллой уголовного закона. Понятно, что включение в статью этой формы деяния обусловлено, во-первых, необходимостью криминализации случаев совершения

«предупреждающих» взрывов, поджогов и иных подобных действий, в результате которых не создается опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба, либо наступления иных тяжких последствий, но которые, по мысли виновных лиц, предназначены продемонстрировать реальность их намерений. И, во-вторых, необходимостью усиления ответственности за столь опасное преступление как терроризм путем переноса момента окончания преступления с фактического совершения действий на более ранний этап – высказывание соответствующей угрозы.

Под «угрозой» понимается «обещание» совершения указанных в ч.1 ст.205 УК РФ действий, т. е. психическое воздействие на людей в форме выражения намерения совершения взрыва, поджога или иных подобных действий. Однако угроза в соответствии с принятым в уголовном праве подходом включает в себя не просто одно только высказанное намерение учинить акт терроризма, но и совершение действий, свидетельствующих о серьезности и реальности такого намерения. Например, приобретение взрывчатых веществ или оружия, совершение «предупреждающих» взрывов и поджогов, выполнение подготовительных действий к отключению жизнеобеспечивающих объектов либо нарушению технологических процессов, блокированию транспортных коммуникаций и т. п. Именно реальность намерения, объективировавшаяся в конкретных действиях отличает угрозу от высказывания в форме обнаружения умысла и придает ей уголовно-правовой характер.

Вместе с тем одной «решимости» лица на выполнение угрозы, реализация которой сопряжена со сложной предварительной подготовкой и преодолением множества препятствий, для квалификации по ч.1 ст. 205 УК РФ вряд ли достаточно. Особенно тогда, когда угроза не сопряжена с приготовлением к акту терроризма или вообще, когда ее исполнение не реально даже и при добросовестном заблуждении лица в своей способности осуществить эту угрозу.

Поэтому включение в объективную сторону террористического акта «угрозы совершения указанных действий...» многими учеными обоснованно рассматривается как нарушение законодателем им же провозглашенных принципов равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ), справедливости (ст. 6 УК РФ) и гуманизма (ст. 7 УК РФ), так как тяжесть совершенного террористического акта в этом случае фактически приравнивается к тяжести угрозы его совершения, что соответственно влечет и одинаковое наказание за эти деяния¹.

Действительно, строго по закону, виновные в таких угрозах не только подлежат наказанию в виде лишения свободы на срок от восьми до двенадцати лет (ч. 1 ст. 205 УК РФ), но и в случае угрозы, высказанной группой лиц по предварительному сговору, по ч. 2 ст. 205 УК РФ могут быть наказаны лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет (для примера, убийство согласно ч. 1 ст. 105 УК РФ наказывается на срок лишь от шести до пятнадцати лет лишения свободы). Очевидно, что угроза совершения взрыва, поджога, иных террористических действий (если она не сопряжена с подготовкой или непосредственным осуществлением террористической акции, либо с другими деяниями, допустим, захватом заложников – ст. 206 УК РФ) по общественной опасности совсем не равна реальному взрыву, поджогу, иным террористическим действиям. Так же как убийство по степени общественной опасности, по форме и по содержанию отличается от угрозы убийством.

Существуют и другие точки зрения. Например, А. В. Бриллиантов не усматривает здесь каких-либо законодательных дефектов, отмечая, что имеющиеся различия между осуществлением террористических действий и угрозой их совершения могут быть учтены при назначении наказания, так как санкция нормы такую возможность предоставляет¹. С А. В. Бриллиантовым трудно согласиться, так как в этом случае вопрос применения нормы полностью остается в поле судебного усмотрения, чего, на наш взгляд, необходимо всячески избегать путем максимально возможного законодательного регулирования.

Многими авторами высказывается идея о схожести угрозы террористического акта с заведомо ложным сообщением об акте терроризма (ст. 207 УК РФ), в связи с чем предлагается угрозу террористического акта изъять из диспозиции ч. 1 ст. 205 УК РФ и включить ее в ст. 207 УК РФ³.

Такая точка зрения кажется нам ошибочной. Ведь, по сути, деяния, предусмотр-

ренные составом ст. 207 УК РФ «заведомо ложное сообщение об акте терроризма», существенно отличаются от деяний, указанных в ст. 205 УК РФ. Действительно, террорист, высказывающий угрозу совершения взрыва с серьезными, опасными намерениями, и подросток, сделавший заведомо ложное сообщение о заминировании школы, весьма сильно отличаются друг от друга как мировоззрением, так и задачами, которые они таким образом пытаются решить. Здесь сходство в содеянном чисто внешнее, на что обращали внимание многие авторы.

Например, Г. В. Овчинникова предлагает разграничивать угрозу терроризмом и заведомо ложное сообщение об акте терроризма по следующим трем признакам: 1) угрозу, предусмотренную ч. 1 ст. 205 УК РФ высказывают сами террористы, а заведомо ложное сообщение исходит от других лиц; 2) мотивы и цели действий, предусмотренных ст. 205 и 207 УК РФ различны; 3) последствия терроризма включены в элементы объективной стороны его состава (в ч. 1 в виде «опасности», а в ч. 3 в виде ее реального воплощения в различные последствия). Состав преступления, предусмотренного ст. 207 УК РФ – чисто формальный⁴.

С Г. В. Овчинниковой частично можно согласиться. По всем трем указанным признакам с практической точки зрения данные составы преступления действительно отличаются друг от друга. Однако в то же время, необходимо сделать принципиальные оговорки. Во-первых, террористы вполне тоже могут использовать заведомо ложные сообщения, как дополнительный инструмент в своей борьбе. Во-вторых, в таком случае автоматически присутствуют террористические мотивы. И, наконец, в-третьих, для предусмотренных ч. 1 ст. 205 УК РФ угрозы и ст. 207 УК РФ сообщения, одинаково обязательен элемент «опасности». Но это не последствие, как ошибочно полагает Г. В. Овчинникова, и оба состава преступлений являются формальными.

Кроме того, реально последствия заведомо ложных сообщений об акте терроризма имеются (как правило, в виде материального ущерба).

Хотя все это в определенной мере свидетельствует о некоторой условности предложенных Г. В. Овчинниковой критериев разграничения угрозы терроризмом и заведомо ложных сообщений об акте терроризма, вместе с тем приведенные доводы подчеркивают, что указанные деяния существенно отличаются друг от друга, прежде всего по цели совершения. В ст. 207 УК РФ отсутствует указание на специальную цель терроризма – оказание воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями. Собственно, это и побудило законодателя изначально поместить указанные составы в разных статьях кодекса. В этой связи совершенно непонятна точка зрения А. Кудаева, который утверждает, что для наступления ответственности по ст. 207 УК РФ обязательно, чтобы названные в ней действия были совершены в целях, указанных в ст. 205 УК РФ. В противном случае, по мнению А. Кудаева, можно говорить о хулиганстве, тесно примыкающем к заведомо ложному сообщению об акте терроризма из-за единства мотива⁵.

Трудно согласиться и с другой группой авторов, предлагающих поместить угрозу совершения террористического акта в отдельную статью УК РФ⁶. Представляется, что это приведет к необоснованному увеличению количества статей в главе 24 УК РФ и, как следствие, затруднит обзорность нормативно-правового материала.

Наиболее приемлемым, на наш взгляд, является вариант, когда угроза террористического акта будет сформулирована в отдельной – четвертой части ст. 205 УК РФ в качестве привилегированного состава данного преступления, совершение которого повлекло бы более мягкое наказание. Часть 4 ст. 205 УК РФ в этом случае выглядела бы следующим образом: «угроза совершения деяний, предусмотренных частями

ми первой, второй или третьей настоящей статьи, в тех же целях...».

Правильность наших выводов подтверждает и то, что указанный технико-юридический прием законодатель использовал также при конструировании уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за совершение некоторых иных преступлений в сфере общественной безопасности. Особенность данного приема состоит в том, что в отдельных случаях законодатель в одной статье, но в разных ее частях формулирует схожие по некоторым признакам, но фактически являющиеся самостоятельными составы преступлений. Проведенный анализ показал, что в главе 24 УК РФ подобную сочлененную конструкцию имеют ст. 208, 209, 210, 222, 223, 225, 226 УК РФ, объединяющие две самостоятельные уголовно-правовые нормы и соответственно два самостоятельных состава преступления, а ст. 212 УК РФ – три самостоятельных состава преступления.

Так, в ч. 1 ст. 212 УК РФ законодателем предусматривается ответственность за организацию массовых беспорядков ..., в ч. 2 данной статьи – за участие в массовых беспорядках, а в ч. 3 этой же статьи – за призывы к активному неподчинению законным требованиям представителей власти и к массовым беспорядкам, а равно за призывы к насилию над гражданами.

Другой технико-юридический недостаток ст. 205 УК РФ, по нашему мнению, заключается в том, что цель террористического акта «воздействие на принятие решения органами власти или международными организациями» слишком узка. Ведь практика показывает, что требования могут быть предъявлены к различным юридическим и физическим лицам, представителям общественных организаций, должностным лицам⁷. При этом в качестве побудитель-

ных мотивов терроризма может выступать желание достигнуть каких-либо экономических, политических, сепаратистских, криминальных целей⁸. Тем более нелогичным указанное положение ст. 205 УК выглядит на фоне ст. 206 УК РФ, предусматривающей ответственность за захват заложника в целях понуждения «государства, организации или гражданина» совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения, ибо по международным стандартам захват заложника рассматривается как разновидность терроризма, поэтому и состав терроризма должен содержать признаки всех адресатов воздействия террористов.

С учетом изложенного, представляется целесообразным расширить список адресатов воздействия террористов, используя в ч. 1 ст. 205 УК РФ конструкцию «воздействие на принятие решения органами власти, юридическими или физическими лицами».

При дальнейшем анализе текста ст. 205 УК РФ сомнения вызывает обоснованность употребления в диспозиции части 1 термина «действия», который предполагает лишь активную форму преступного поведения человека. На наш взгляд, очевидна возможность осуществления актов терроризма и путем бездействия (например, посредством невыполнения обязанностей по отключению определенных производственных или технологических процессов в энергетике, на транспорте, в добывающей промышленности). Поэтому при конструировании объективной стороны акта терроризма необходимо использовать универсальный термин «деяние», включающий в себя значения сразу двух терминов «действие» и «бездействие». Правильность подобных выводов подтверждает и то, что в частях 2 и 3 ст. 205 УК РФ при описании объективной стороны преступления законодатель употребляет именно термин «деяние».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: *Мальцев В. В.* Терроризм: проблема уголовно-правового урегулирования // Государство и право. 1998. № 8. С. 105.

² См.: *Бриллиантов А. В.* Уголовная ответственность за терроризм и захват заложника: Лекция. М., 2004. С.15.

³ См.: *Максина С. В.* Терроризм: криминологические и уголовно-правовые аспекты: Дисс...-канд. юрид. наук. СПб., 2003. С.105; *Мальцев В. В.* Указ. статья. С. 104–107; *Алиев М.М.* Проблемы борьбы с терроризмом в России (криминологический и уголовно-правовой аспекты). Дисс... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С.113–114; *Дикаев С. У.* Терроризм: феномен, обусловленность и меры противодействия (уголовно-правовое и криминологическое исследование): Дисс... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 232.

⁴ См.: *Овчинникова Г. В.* Терроризм. СПб., 1998. С. 22–23.

⁵ См.: *Кудаев А.* Ответственность за заведомо ложное сообщение об акте терроризма // Государство и право. 1998. № 10.

⁶ См., например: *Слипушенко А. Н.* Уголовно-правовая характеристика терроризма. Автореферат дисс...канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 7–8; *Демчук С. Д.* Заведомо ложные сообщения об акте терроризма (криминологические и уголовно-правовые аспекты). Дисс...канд. юрид. наук. СПб., 2002. С.120; *Жевлаков Э. Н.* Совершенствование законодательства о борьбе с терроризмом: Проблемы борьбы с терроризмом. М., 2002. С. 45.

⁷ См.: *Емельянов В. П.* Терроризм и преступления террористической направленности. Харьков, 1997. С. 146–148, 154.

⁸ См.: *Денисов С. А.* Уголовно-правовая характеристика терроризма // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2000. 1 (5). С. 60.